

Чжоу Ван собралась повернуться:

— ...Все-таки дай это сделать мне.

— Нет, — Сюй Синчжи тут же метнулся вперед, закрывая собой обнаженное тело зверочеловека. — Не смотри, отвернись.

Он еще раз взглянул на пленника и внезапно спросил:

— Ты можешь вырезать ключ с закрытыми глазами?

Чжоу Ван молчала.

Зверочеловек тоже молчал.

Как только слова слетели с губ, Сюй Синчжи сам понял, насколько глупо это прозвучало. Он с шумом выдохнул, избавляясь от тяжести в груди:

— Ладно, ключ никуда не денется. Подождем, пока вернется Мэн Чунгуан.

Он уже собирался уйти, как вдруг зверочеловек окликнул его:

— Я знаю еще кое-что. Хочешь послушать?

Сюй Синчжи кивнул:

— Говори.

Улыбка зверочеловека стала еще более пугающей:

— Подойди ближе, я прошепчу тебе на ухо.

Сюй Синчжи вдруг почувствовал, что что-то не так.

Чжоу Ван, потеряв терпение, развернулась и, подойдя к ним, выхватила кинжал из рук Сюй Синчжи.

Она мастерски владела огромными клинками, и силы в ней было не занимать. Когда рука Сюй Синчжи опустела, он поднял глаза и с изумлением увидел, что на лице Чжоу Ван не осталось и следа привычного спокойствия. Она походила на голодного волка, наконец дорвавшегося до живой добычи, и, казалось, готова была разорвать зверочеловека на куски.

Сюй Синчжи попытался преградить ей путь плечом:

— Оставь его. В этом человеке есть что-то...

Но Чжоу Ван, не слушая, оттолкнула его руку.

Она была невысокой, едва доходила Сюй Синчжи до плеча, и хотя он догадывался, что она сильна, он никак не ожидал такой мощи.

Пока Сюй Синчжи отлетал в сторону, Чжоу Ван уже нанесла удар — в мгновение ока кинжал вонзился в живот зверочеловека.

Сталь вошла в плоть, но на лице пленника не отразилось боли. Его жуткая улыбка растянулась до предела, казалось, уголки рта вот-вот треснут.

Чжоу Ван еще не успела осознать происходящее, как Сюй Синчжи бросился вперед и оттолкнул ее назад!

Находясь в опасной близости от раны, он собственными глазами увидел, как внутри разорванного живота вспыхнул спрятанный в плоти светящийся сгусток. Белое сияние ослепило его, вызвав жгучую боль в глазах.

Зверочеловек спрятал ключ внутри своего тела, а вместе с ним — и частицу духовной энергии. Если кто-то попытается вскрыть его, он предпочел бы взорвать осколок ключа, унеся обидчиков с собой в могилу, чем отдать его кому-то просто так!

Понимая, что уклониться не выйдет, Сюй Синчжи выставил руки, готовясь к худшему.

Но вместо боли он ощутил тепло объятий, которые плотно прижали его к себе.

Чьи-то руки осторожно, почти невесомо обхватили его за плечи, словно боясь разрушить хрупкую мечту.

Аромат трав, окутавший его, в одно мгновение подсказал Сюй Синчжи, кто это.

Он открыл глаза и встретился взглядом с Мэн Чунгуаном.

Сюй Синчжи никогда в жизни не видел таких глаз — глубоких, нежных, бездонных, но под этой тихой гладью, казалось, постоянно скрывался водоворот, готовый в любую секунду поглотить его, затянуть в пучину, из которой нет выхода.

По спине Сюй Синчжи пробежала дрожь, в горле пересохло, и он не смог вымолвить ни слова.

Мэн Чунгуан обнимал его, и его тихий, полный обиды голос напоминал скулеж маленького щенка:

— Ши-сюн, ты опять сбежал. Почему не дождался меня в комнате?

Его красивые губы замерли совсем рядом с носом Сюй Синчжи, и горячее дыхание обдало лицо, заставив того вспыхнуть.

Случайное касание губ прошлой ночью, намеки зверочеловека на кролика-любownika, да еще и шепот, щекочущий ухо, — все это привело мысли Сюй Синчжи в полный хаос. Он попытался

произнести Ты, но горло сдавило спазмом.

Мэн Чунгуан рассмеялся.

Если бы такая улыбка была на лице обычного человека, она показалась бы притворной, но на нем она выглядела до оцепенения обворожительно:

— ...Ши-сюн такой милый.

Атмосфера между ними только начала накаляться, как пришедшая в себя Чжоу Ван подросла к ним:

— Сюй ши-сюн, ты в порядке?

Сюй Синчжи, чувствуя себя так, словно его застали за чем-то постыдным, оттолкнул Мэн Чунгуана.

Тот, застигнутый врасплох, отступил на два шага, и на его лице мгновенно отразилась обида.

Убедившись, что Сюй Синчжи цел и даже его головной убор не сбил, Чжоу Ван успокоилась. Она вспомнила об осколке ключа и, указывая на зверочеловека, крикнула:

— Ключ!

Сюй Синчжи опомнился, отстранился от Мэн Чунгуана и обернулся к пленнику.

Мэн Чунгуан, которого ши-сюн так решительно отбросил, побледнел и, когда никто не видел, сердито топнул ногой.

Взглянув на зверочеловека, Сюй Синчжи едва не стошнило.

Торжество на лице того сменилось невыносимой агонией. Взрыв духовной энергии вырвал в его животе рваную рану глубиной в полдюйма, но энергия не рассеялась — ее удерживал еще более мощный сгусток багрового света. Кровавое месиво внутри раны бурлило и клочотало.

Судя по силе этого вихря, если бы не вмешательство Мэн Чунгуана, комнату уже давно стерло бы с лица земли.

Глубоко в кровавой яме слабо мерцал предмет, похожий на осколок нефрита.

Чжоу Ван, не обращая внимания на грязь,хватила его.

Коварный план зверочеловека провалился. Он не мог ни жить, ни умереть, а из-за увечий даже не мог корчиться от боли.

Он выл, разрывая тишину:

— Убейте меня! Дайте мне умереть! Убейте же!

Сквозь его крики Мэн Чунгуан подтолкнул Сюй Синчжи и Чжоу Ван к выходу:

— Ши-сюн, Чжоу Ван, уходите отсюда, вдруг он снова обезумеет. — Его взгляд был полон искренности. — ...Я со всем разберусь.

Чжоу Ван, получив желанный артефакт, не желала больше тратить время на болтовню, да и запах крови в комнате стал невыносимым, поэтому Сюй Синчжи тоже не стал задерживаться.

Как только они вышли, улыбка Мэн Чунгуана погасла. Его глаза, холодные, как лезвие ножа, неспешно обшаривали каждый уголок тела зверочеловека.

Затем он присел, направил духовную энергию и начал осторожно прочищать меридианы пленника.

— Не бойся, я сохраню тебе жизнь, — голос Мэн Чунгуана стал мягким, лишенным детских ноток. — ...Ты еще пожалеешь, что не подорвал себя сегодня.

Зверочеловек смотрел на него с ненавистью, в горле у него клокотало, но издать хоть звук он уже был не в силах.

Когда они вышли из комнаты, Чжоу Ван сжимала в окровавленной ладони осколок нефрита. Она то и дело протирала его краем одежды, словно ребенок, получивший заветную конфету, и на ее лице впервые промелькнула радость.

Навстречу им шел человек, и Чжоу Ван поспешила к нему:

— Крестная! А где крестный? Мы добыли кое-что ценное!

Услышав, как она называет кого-то крестной, Сюй Синчжи, следовавший за ней, подумал, что в башне живут и другие женщины, просто он их еще не видел.

Но, присмотревшись, он невольно усмехнулся.

Человек, которого Чжоу Ван назвала крестной, был мужчиной. Он был одет в одежду учеников пика Даньян, был хрупок на вид, бледен, словно после долгой болезни, но даже в таком состоянии обладал своеобразной красотой.

Его красота отличалась от красоты Мэн Чунгуана — этот человек напоминал актера в амплуа хуадань на подмостках: женственный, слабый, с тонкими чертами лица.

...Действительно, приставка крестная к нему подходила.

Голос мужчины был нежным и тихим, поначалу даже было трудно понять, мужчина это или женщина:

— Что вы добыли?

Чжоу Ван уже собралась выложить все как есть, но мужчина прервал ее:

— Идите лучше в комнату Лу Юйцзю. Он получил стрелу в плечо, рана серьезная, Юань ши-цзе сейчас занимается им.

При имени Лу Юйцзю в памяти Сюй Синчжи тут же возник образ того самого призрачного юноши с детским лицом.

Он на мгновение выпал из реальности.

Когда-то давно, спасая ученика другой секты, он остался прикрывать отступление и едва не стал обедом для фэйи.

Почему такой человек стал вором, укравшим артефакт, и был сослан в Пустошь?

За долгие годы совместной жизни в Пустоши они стали близки, и, услышав, что Лу Юйцзю ранен, Чжоу Ван, не дожидаясь, бросилась к его комнате.

Красивый мужчина заметил Сюй Синчжи, следовавшего за Чжоу Ван, и сам подошел к нему:

— Я слышал от Цюй ши-сюна, что вы прибыли, но два дня назад я вернулся из Южных гор и слег с болезнью, не мог встать, чтобы поприветствовать вас. Сюй ши-сюн, вы помните меня?

Сюй Синчжи промолчал.

Пока он пытался отыскать в памяти прежнего владельца тела хоть какой-то след этого человека, тот рассмеялся:

— Неудивительно, что вы не помните. В прошлый раз, когда мы виделись, я был еще плаксивым ребенком.

Сюй Синчжи слегка нахмурился:

— ...Ты Тао Сянь?

Разговаривая с Цюй Чи, он слышал упоминание этого имени.

Тогда он не подал виду, но в душе уже сделал выводы.

...Этот Тао Сянь очень странный.

Конечно, в его поведении не было ничего необычного, но само его существование было исключением.

— Его не было в воспоминаниях прежнего хозяина тела, и он не появлялся в романе, который писал сам Сюй Синчжи.

Он словно возник из ниоткуда, но Мэн Чунгуан доверял ему и включил в семерку выживших в Пустоши.

Что же в этом женоподобном мужчине такого особенного?

15. Оказал медвежью услугу

Тао Сянь, конечно, не знал о сомнениях Сюй Синчжи и повел его к Лу Юйцзю.

Когда они вошли, все обитатели Пустоши, кроме Мэн Чунгуана, были в сборе.

Чжоу Бэйнань вытирал пот с лица Лу Юйцзю, Чжоу Ван стояла на коленях на кровати, расспрашивая о ране, а Юань Жучжоу стояла рядом, наполняя чашку водой.

Цюй Чи, держа в руках метелку, стоял в стороне. Его взгляд был чист, как серебро, и, увидев Тао Сяня, он подошел к нему, изображая строгость:

— ...Почему я не видел тебя в комнате, когда вернулся?

Тао Сянь почтительно ответил:

— Прошу прощения, Цюй ши-сюн. Мне стало чуть лучше, и я решил немного прогуляться.

Цюй Чи поджал губы, принимая оправдание:

— Впредь не броди где попало.

Сказав это, он протянул конец своей метелки Тао Сяню. Тот, поняв намек, взял его за тонкие волоски, позволяя Цюй Чи вести себя за собой.

Цюй Чи не забыл позвать Сюй Синчжи:

— Синчжи, входи.

Стоя в дверях и глядя на эту сцену, Сюй Синчжи почувствовал, будто между ним и этим миром пролегла целая жизнь.

Он наконец осознал, что действительно попал в мир, созданный его же пером.

Однако единственный путь назад — это лишить жизни их единственную надежду.

Кинжал на поясе казался невыносимо тяжелым, словно тянул его к самому центру земли.

Лу Юйцзю, отдохавший на кровати, увидел Сюй Синчжи и приподнялся:

— Сюй ши-сюн? Почему не входите?

— Как ты поранился? — Сюй Синчжи заставил себя вернуться к реальности и подошел к кровати.

Лу Юйцзю все еще носил ту жуткую железную маску, закрывавшую лицо. Рана на плече после лечения Юань Жучжоу затянулась, но по окровавленной одежде можно было судить, насколько глубоким был порез.

— У них были луки, — Лу Юйцзю взял чашку из рук Юань Жучжоу. — Я не заметил.

Чжоу Бэйнань подтолкнул его в голову:

— Кто просил тебя вечно стоять на возвышении? Ты же был как живая мишень.

Лу Юйцзю потер ушибленное место и сверкнул глазами из-под маски:

— Не твое дело.

Чжоу Бэйнань скрестил руки на груди, опираясь на изголовье кровати — поза в точности как у Чжоу Ван:

— Как это не мое? Я же боюсь, что ты сдохнешь, а у нас с тобой одна жизнь на двоих.

Уши Лу Юйцзю покраснели:

— Кто захочет иметь одну жизнь с тобой, молодым господином Чжоу из Интяньчуань? Я всего лишь ученик долины Цинлян, куда мне до тебя.

Чжоу Бэйнань:

— А? Что за бред ты несешь?

Лу Юйцзю вскинул голову:

— Ты сам это говорил, забыл?

Чжоу Бэйнань почесал щеку:

— ...Я такое говорил?

Лу Юйцзю тут же обратился за поддержкой:

— Сюй ши-сюн, вы же были там. Разве Чжоу Бэйнань не говорил такое?

Сюй Синчжи, конечно, ничего такого не помнил, но решил помочь:

— Да, говорил.

Лу Юйцзю торжествующе посмотрел на Чжоу Бэйнаня:

— Сюй ши-сюн подтвердил, теперь не отпирайся!

Чжоу Бэйнань обернулся к Сюй Синчжи с выражением лица, означавшим: Сюй Синчжи, ты у

меня дождешься.

Сюй Синчжи взмахнул веером и протянул руку, желая снять с Лу Юйцзю маску, ставшую для него оковами:

— Ты же лежишь, зачем тебе эта штука?

Не успел Лу Юйцзю воспротивиться, как в руке Чжоу Бэйнаня блеснул кинжал, преградивший путь Сюй Синчжи.

— Не трогай его маску, — Чжоу Бэйнань все еще улыбался, но в его глазах появилась серьезность. — Он не хочет, чтобы кто-то видел его лицо.

...Ладно, не хочет — не надо.

Сюй Синчжи с детства был прямолинейным человеком, который не привык держать обиды в себе.

Поэтому два дня и две ночи в Пустоши прошли для него не самым приятным образом.

Сюй Синчжи не умел принимать доброту. Если бы он знал, что раненый, которого он подобрал, — это Мэн Чунгуан, он бы сразу прикончил его, избавив себя от бесконечных проблем.

Чем больше он общался с этими людьми, тем сильнее становилось его смятение. Если он привяжется к ним, то не сможет выполнить свою задачу, не сможет выбраться из Пустоши и вернуться к отцу и сестре.

Обменявшись еще парой фраз, он покинул комнату Лу Юйцзю и направился к себе.

Проходя мимо той самой комнаты, он остановился.

После допроса и получения осколка ключа у него возникли вопросы.

Судя по его наблюдениям, Мэн Чунгуан не собирался, подобно другим хозяевам этих земель, собирать последователей и пытаться сбежать из Пустоши. Он просто построил башню в центре и жил в ней, словно собирался остаться здесь навсегда.

Что же на самом деле у него на уме?

По идее, даже если слухи об осколках ключа были лишь слухами, это был единственный шанс. Обладая такой силой, как у Мэн Чунгуана, он мог бы разнести все силы Пустоши в клочья и найти ключ. Зачем было тратить тринадцать лет впустую?

В раздумьях он вернулся в свою комнату.

Мэн Чунгуан уже сидел на кровати, поджав ноги, с кулаками, прижатыми к груди, и выглядел как послушный щенок.

Сюй Синчжи уже привык видеть его здесь.

Он вздохнул и спросил:

— У тебя что, своей комнаты нет?

Мэн Чунгуан широко открыл глаза:

— Ши-сюн хочет выгнать меня?

Сюй Синчжи молчал.

Мэн Чунгуан сделал вид, что глубоко ранен, в его глазах заблестели слезы:

— Только что в той комнате ши-сюн оттолкнул меня. Я сделал что-то не так? Я расстроил вас?

Надо признать, Мэн Чунгуан умел вызывать жалость, и даже его манерность не раздражала.

Он продолжал:

— Я понял, ши-сюн считает меня жестоким. Если вам не нравится, я больше не буду. Ши-сюн...

Видя, что если он не остановит его, тот сейчас расплачется, Сюй Синчжи поспешил успокоить его:

— Я не это имел в виду.

Мэн Чунгуан жалобно захлопал ресницами:

— Правда?

— ...Правда.

Мэн Чунгуан мгновенно преобразился, его глаза со слезами на ресницах согнулись в дужки, и он улыбнулся так, что сердце дрогнуло:

— Я знал, что ши-сюн ко мне лучше всех.

Сюй Синчжи, позабавленный его детским восторгом, сел на край кровати.

Мэн Чунгуан тут же положил голову ему на колени.

Его голова коснулась кинжала на поясе Сюй Синчжи, и эта деталь заставила мышцы Сюй Синчжи напрячься — он не мог ответить на такую близость.

...Он пришел сюда, чтобы убить его, собирался использовать доверие этого человека, чтобы лишить его жизни, прикрываясь дружеской беседой. Было ли что-то более лицемерное?

Чтобы заглушить чувство вины, Сюй Синчжи сменил тему:

— Состояние Лу Юйцзю уже стабильно.

Мэн Чунгуан был недоволен.

— Ши-сюн думает только о Лу Юйцзю, а обо мне забыл. — Он закатал рукав, на его руке красовался кровавый порез. — Ши-сюн, смотрите, я тоже ранен.

Сюй Синчжи взглянул.

...Действительно, надо было смотреть быстрее, потому что если бы он опоздал на пару мгновений, эта царапина, похожая на след от ногтя или щепки, уже начала бы затягиваться.

Посмотрев на рану три секунды, он позвал:

— Мэн Чунгуан.

Тот тут же соорудил невинную мордочку, пытаясь отвести подозрения.

Сюй Синчжи остался непреклонен:

— ...Ты сам себя поцарапал.

Мэн Чунгуан украдкой бросил взгляд на резную деревянную спинку кровати, но продолжал упрямыться:

— Нет... это кто-то другой...

Сюй Синчжи приподнял бровь:

— Кто? Чесалка для спины?

Мэн Чунгуан обиженно опустил голову, закатал рукав обратно, оставив Сюй Синчжи смотреть на свою расстроенную макушку.

— ...О чем ты думаешь? — спросил Сюй Синчжи.

— Ни о чем, — буркнул Мэн Чунгуан.

Сюй Синчжи выпалил:

— Наверное, о том, чтобы в следующий раз сделать рану глубже.

Сказав это, он сам остолбенел.

Они были знакомы всего два дня, но он понимал его так, будто знал всю жизнь.

Мэн Чунгуан, услышав это, просиял. Он обнял Сюй Синчжи за талию и уткнулся лицом в его живот, отказываясь поднимать голову.

Спустя некоторое время он пробормотал:

— ...Ши-сюн знает, о чем я думаю, я так счастлив.

Сюй Синчжи не знал, сердиться ему или смеяться.

Этот древний демон в душе был сущим ребенком, которого так легко было осчастливить.

<http://bllate.org/book/22484/2370472>